

“у меня лозунгов нет, я их ищущу”

Сергей Юрский — Газете
В издательстве «Вагриус» вышла новая книга знаменитого актера и литератора Сергея Юрского «Кого люблю, того здесь нет» — сборник эссе, где автор вспоминает об ушедших людях. О своем литературном творчестве и том, что вдохновило его на написание этой книги, Сергей Юрский рассказал в интервью корреспонденту Газеты Марии Терещенко.

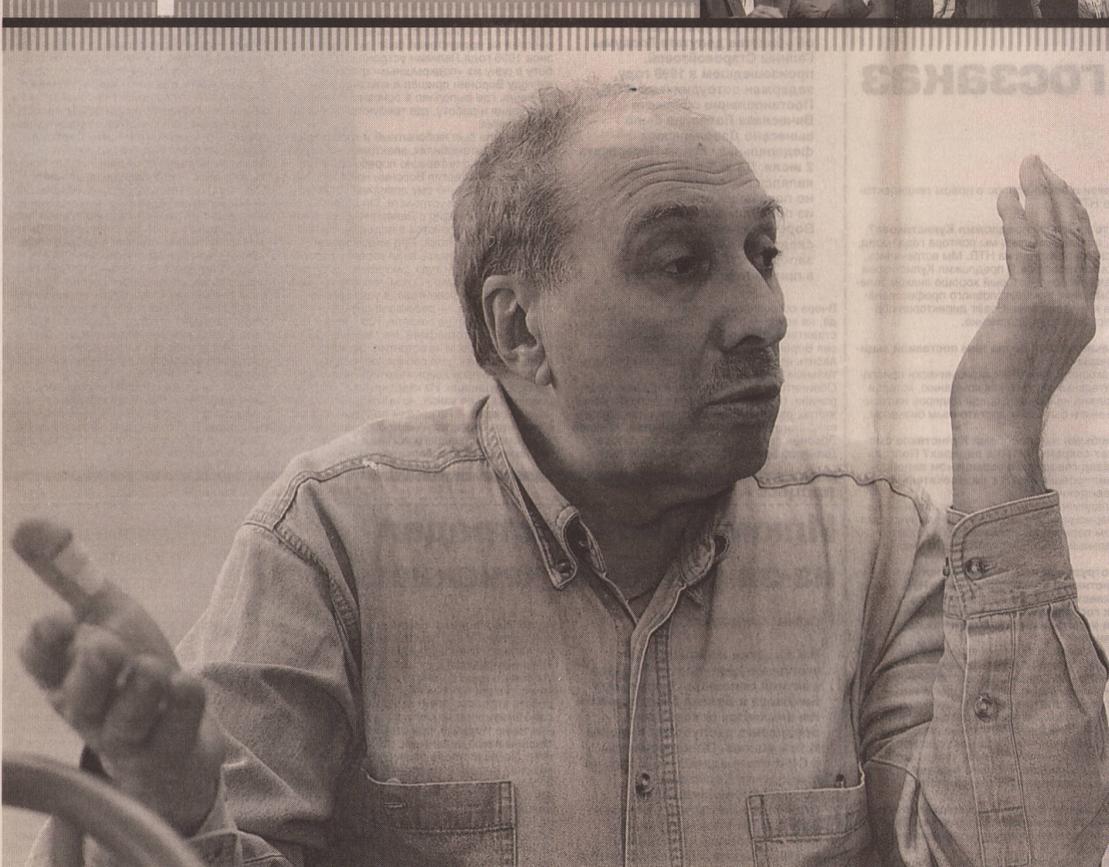
Сергей Юрьевич, в издательстве «Вагриус» вышли три ваши книги, и еще несколько готовятся к печати. По чему вы идете, что вы пишете? Как вы относитесь к этому процессу? Читатели посмотрели на картинку? Да, в издательстве «Вагриус» без картинок книжки выйдут. Книжки... Время наше поставило на грань исчезновения, как и театр тоже. До полного исчезновения еще далеко, но шиксы болят. Поэтому мои занятия — занятия драматическим театром в его приличном виде. Не превращенном в синтетическое музыкальное или пластическое действо, а театром, где диалог царит, слово: литературный театр. Я ничего не имею против шоу, но я против агрессии и монолога. И книга, которую можно взять и листать. Два эти занятия, которые можно назвать консервативными, ретроградными, привлекают мое внимание и составляют содержание моей жизни.

С чего вы начинали писать? Сначала это были самодельные детские стихи. Я себя поэтом не считаю, потому что поэт — это очень высокое и особое состоя-

ние. Потом появилась первая пьеса, которая никому не понадобилась, а за ней — вторая, которая понадобилась, но ней был сделан спектакль — инсценировка Хемингуэя. Это уже было профессиональное дело. С этим спектаклем все трагично закончилось, но я сделал сценарий из этой пьесы, и был снят фильм. Он существует, и это довольно хороший фильм — «Фиеста». В 1971 году был сделан и в том же году запрещен. Но он существует. Тогда он довольно активно смотрелся, вопреки запрету, на закрытых просмотрах. Эта телевизионная пьеска на большом экране, конечно, много терпела, поскольку способ съемки совсем другой. Но люди набивались в большие залы и смотрели. А проза появилась в 70-е годы. Первая большая повесть — «Чернов, Чернов», потом повесть «На дачах». Одну из них я тоже экранизировал и сделал фильм уже в 1990-х. Почему я называю себя профессионалом — потому что я два года проработал в «Новой газете» как автор колонки. Абсолютно четко каждые две недели выдавал фельетон.

СТР 04

Персона

Сергей Юрский: «Конечно, это неправильно, что у тебя давление и сахар. Но это естественно, потому что ты так живешь» Фотограф: Екатерина Шукина/Газета

“у меня лозунгов нет, я их ищущу”

Сергей Юрский — Газете

01 СТ

Книги в «Вагриусе» сразу планировались как серия?
Сейчас это называется словом «проект», и действительно, по ходу это стало проектом, хотя изначально не было такой цели. Я издал более десяти книг: проза, стихи, пьесы, воспоминания. И постепенно издатели поговаривали о том, что это можно было бы как-то собрать. Сперва думали о сборнике, и, по-моему, все-таки тяжеловесном названии «Собрание сочинений» — но это уже, на мой взгляд, дело отживающее. Поэтому пришла идея разговаривать с читателем, не обременяя его тяжестью томов, постепенно. Книжки сделаны «звонкой» — первая книжка веселая, шутивная, комедийная, ироническая. И тут появляется средняя нечетная книжка — легкая. А каждая четная — разговор серьезный. Читатель может выбирать. Первая книжка — ироническая проза «Все время жара». Вторая — «Попытка думать», это эссе на тему литературы и самых главных для меня фигур: Чехов первый — Антон Пальч, Чехов второй — Михаил Александрович. Ибсен. И некоторые рядом лежат: Бродский, Бродский, кинематограф. Третья книжка — это не просто комедия, а маскарад, называется «Домашние радости». Она особого рода, потому что в ней есть и гадания, и песни, и крупные пародии в драматической форме. Сейчас я сделал концерт под тем же названием. В нем я впервые обращаюсь к небольшой аудитории — я всегда делал концерт, рассчитывая на огромные залы. И я впервые рискую на сцене в концерте петь. Это нелегко, потому что песни — наши песни, мои песни, лет за пятнадцать последних, через которые мы смотрим, как менялось настроение. Чего мы ожидали, и что мы получили. Над чем шутили, но что обернулось драмой. Это казалось серьезным, а оказалось шуточкой. Четвертая книжка называется «Кого люблю, того здесь нет» — это книга об ушедших людях.

То есть все книги в разных жанрах? Я должен разговаривать и менять жанры. Это всегда был стиль моих концертов: они чередовали лирику или даже настоящую драму с комедией, иногда с буффонадой, иногда с клоунадой. Поэтому в разные времена, когда еще больше строгости были, у меня в концерте появлялись рядом Пушкин и Зощенко, Гоголь и Жванецкий, Шукшин и Бродский. Это были несовместимости, и на этом все строилось. Я хотел попробовать эту стилистику, которая пришла из оперетты, оперы, теперь уже в другом временном пространстве. Концерт длится три часа, а книжки рассчитаны на три часа. И это диалог в три года, в котором я хотел бы услышать ответ читателя. Об ответе я скажу, потому что ответа давно не слышу, никаким образом. Кроме того, что книжки покупаются.

А в какой форме, по вашим представлениям, должен прозвучать этот ответ?
Понятия не имею. Это не моя забота. Я просто его жду. Я убежден, что если ответ есть, то он придет.

А раньше вы ответ слышали?
Раньше — да. Общественный отклик я чувствовал в громадной степени примерно до 1980 года. Это был совершенно другой мир. Критики... не то что мы с ними в споре были — нет, мы были по разные стороны рва. Но в то же время актеры, режиссеры, писатели и критики были объединены тем, что наши души росли в одну сторону —

я бы так сказал. А потом произошел разрыв. Говорят, что это естественно. Раз естественно, то будем терпеть. Вроде так и должно быть: критики должны смотреть «через губу» как знатоки, и их первая реакция должна быть — «ну понятно, это все видно, все мы знаем, попытайтесь нас удивить». Интонация враждебная, незаинтересованная и принципиально поверхностная: мол, у меня масса дел, и мне не до вас, господа, те, о ком я собираюсь говорить. Такова интонация сегодняшней критики.

Говоря, что такое положение дел «естественно», подразумеваете ли вы, что оно правильное?
Нет, ни в коем разе. Но это естественно, как болезни, которые приходят с возрастом. Конечно, это неправильно, что у тебя давление и сахар. Но это естественно, потому что ты так жил. Такая болезнь пришла, как мне кажется, и в наше общество. Это ведь в принципе и сейчас происходит: разделение сознания на кусочки, разделение профессии на узкие специализации и разделение общества на различные ячейки, в лучшем случае — кланы. Наш монолит социалистический, с которым мы так боролись, при всех своих недостатках имел и контрмонолог: противостояние государственному монолиту. Мосты между людьми были гораздо прочнее и постояннее.

Каково лекарство против этой разобщенности?
А зачем? Не нужно лекарств. Это естественный процесс хотя бы потому, что количество людей на земном шаре и в наших городах увеличивается с большой скоростью. И если есть возможность, каждый отдельный человек старается отделиться. Потому что, если все сплунтунется — будет мрак. Но еще недавно были связи, которые питали это наше единение. Они создавали чувство взаимодействия сцене со зрителем, писателя с читателем и просто людей, допустим, с высшим образованием друг с другом, взаимодействии, которое давало возможность любому человеку понимать лучше и быть внимательнее. Я добавлю, что был гораздо больший интерес, допустим, к иностранной литературе. Сейчас, когда она доступна, мне кажется, что интерес погас. Я он провоцируется только за счет мощнейших пропагандистских средств и волн моды. Кто их создает, скорее всего, вы мне можете ответить.

Наверное, отчасти мы и создаем. Наверное, потому что, если бы мы и над попыткой понять эффект Мураками и не понимаем его. Но теперь нет такой заинтересованности у людей, какая была раньше. Например, а что же сейчас пишут полки, а что снимают в кино чехи? Я почти ручаюсь, что если я пойду с опросом социологическим, то встречу полное непонимание. Поляками интересуются специалисты по Польше. Чехами интересуются специалисты по Чехии. А мне какое дело? Вспомните ту широту, как сказал Жаботинский, «сердечного голода», который был у советских людей, допустим, в 60-е годы. Того всемирного интереса к любым росткам сейчас невозможно себе представить. Интерес настолько удручен, что все доступно, поэтому он естественно утихает. Я не критикую сегодняшнее время. Потому что это и есть достижение целей, которые были тогда.

Вы считаете, что потеря интереса — это наша цена свободы?
Я сегодня вынужден высказывать свои сомнения, а не лозунги: у меня их нет,

и их ищущу. Свобода — то слово, которое определяет цели последнего полувека. Мы хотим свободы, мы требуем свободы. Все вертится вокруг свободы. Наконец мы видим свободу, и тут, на этом этапе, есть некоторое спотыкание. Потому что путь к свободе, для людей творческих по крайней мере, уже есть свобода. Даже если внешние обстоятельства мешают. Поэтому мои ровесники так часто вспоминают те времена. Я несомненно отношусь к нашим 60-м годам, хотя в них было большое обаяние. Но путь к свободе был уже свободой. Сейчас же возможность такое количество, что выбрать из них... Один человек скажет, я вообще ничего выбирать не буду, кусок хлеба дайте — и ладно. А другой закричит: помогите! И тут появляются средства массовой информации, потому что больше опереться не на что. И этот растерянный человек получает указания в виде советов, в виде влияния, магнетического воздействия. И он идет именно туда, куда ведут средства массовой информации. Такого не было раньше. Тогда было несвободное общество, в котором многие, стремясь к свободе, начинали внутренне освобождаться. Сейчас свободное общество, в котором в массе возможностей оказывается абсолютным рабом того, что тебе рекомендуют, того, что в тебе засовывают эти СМИ, принадлежат — за это сейчас и борются — кому? Государству, олигархам, общественным организациям, одному человеку. В этом противоречии мы и живем.

На близкие темы говорит спектакль «Нули», в котором вы играете... Конечно, поэтому меня «Нули» и заинтересовали. При всех недостатках пьесы. Вот мы сыграли двадцать пять раз, спектакль уже умирает, и я думаю, скоро сойдет. Когда много делал, я так и говорил, что этот спектакль можно будет сыграть раз тридцать. Думаю, столько он выдержит. Больше — нет. Он слишком большой, громоздкий. Но для меня крайне важно, что он состоялся. Я ощущаю, как за спиной, может, скучает где-то смеется не к месту, но постепенно, где-то к середине второго акта, начинает заниматься тем, что является высшим достижением театра. Это Окуджава сформулировал: первая ступень — «мне интересно, и я смотрю», вторая ступень — «я сопоставлю это с тем, что знал раньше», третья — «я начинаю сопоставлять с тем, что касается меня», а четвертая — «я погружаюсь в себя», и это мое. Эта высшая ступень совершено открыта сегодняшним театром, потому что крайне насыщают действие: мы стараемся, чтобы вы были восхищены, чтобы вы поняли, как мы хороши, как мы хорошо придумали, как красиво, сколько это стоит, сколько труда вложено, какие значительные люди перед вами. Множество вещей, которые разделяют: я — здесь, он — там. А театр — это переворот вовнутрь. В «Нулях», при всех его несовершенствах, человека обращает на себя. То есть происходит то, ради чего драматический театр вообще существует. Вот Мольер. Тогда и была такая буча на его спектаклях, потому что кого-то это обижало до крайности, поворачивало на себя, и они говорили «нет», но других это восхищало, и они говорили «да», и тогда происходили столкновения в зрительном зале. И я это испытывал. Наше «Горе от ума» товстоноговское было именно таким, и я помню, как по окончании аплодисментов публике пытались выгнать из зрительного зала, а люди хватили за грудки друг друга, и одни говорили «это недопустимо», а другие — «да, это

то, чего я ждал». Я участвовал в таком театре. Я видел такой театр.

Среди ваших воспоминаний есть эссе о Джордже Стрелере. Как вы с ним познакомились?
Я его увидел впервые в очень молодые годы. Спектакль, который я посмотрел тогда, еще в Марчелло Моретти, «Слуга двух господ», был потрясением. Тогда особенно. А потом, после многих лет запрета на мой выезд за рубеж, в середине 80-х, я поставил спектакль в Японии, а потом давал концерт в «Одеоне», в Париже. Этот концерт организовывал «Театр Европы», который возглавлял тогда Стрелер. Стрелера в Париже не было. Я дал это концерт, он был успешным. И я впервые понял, что такое европейский стиль делового общения. Стрелер прислал телеграмму из Милана — у него было по горло дел, и что ему до русского артиста, который читает не для французской (хотя концерт был на двух языках), но фактически для рус-

Сергей Юрский с дочерью Дарьей Юрской (актрисой МХАТ им. Чехова) и внуком Георгием Фотограф: Екатерина Шукина/Газета

ской аудитории. В конце концов, это частное дело — русский театр. Но он прислал телеграмму: «Я вас пригласил, но сам я не смог быть, поэтому приезжайте на в Милан и дайте концерт в Милане, и тогда мы уже познакомимся». И я приехал через некоторое время в Милан. Дал концерт. А он мне дал новую задачу: приезжайте через год, дайте еще один концерт, но на заданную мной тему — мне нужен Маяковский. Вы знаете Маяковского? Давай читать Маяковского вдвоем. Сейчас. Ты помнишь наизусть Маяковского? «Во весь голос». Давай «Во весь голос»: я читаю по-итальянски, ты читай по-русски. Потом я ездил в Италию во второй и в третий раз. Давал концерты. И встречался с ним здесь. Этот человек остался в моей памяти как комета, которую я видел вблизи. Я должен был ехать еще раз в Милан на его юбилей, но праздник был отменен, и вскоре Стрелер умер. Эта фигура — одна из определивших мою жизнь, хотя у нас было всего несколько встреч.

Как получилось, что вы, драматический актер, начали давать концерты? Концерты начались давно. Сперва просто показывал то, что невозможно на сцене. В моих программах были авто-ры, которые мне очень нравились. А потом это стало средством существования. Я в определенный период стал человеком подозреваемым, по всей видимости, КГБ или партийными органами — не знаю. Главное, что был запрет на все. На работу в кино, на телевидении, по прессе. А концерты оставались. Я ушел из театра — был вынужден это сделать. И поехал по стране, объездил всю страну.

Концерты разрешили?
А это было и раньше. Я как концертный артист был настолько востребован, что в тот период, когда меня запрещали, мне вдруг сообщили, что газета «Правда» просит дать концерт. Обо мне не разрешили писать ни в каких газетах, даже в провинциальных. Но я приехал на улицу Правды и для работников «Правды» давал концерт. Полный зал. А потом главный редактор звал меня к себе в кабинет, выставлял коньячок, закуски, мы беседовали. И он спрашивал: «Ну что у вас там, беспосветно? Ничего не разрешают?» — «Ничего» — «Ну ладно, спасибо, спасибо, что приехали». Я выступал в научно-исследовательских институтах. В самых разных городах, от Тбилиси до Магадана, от Петропавловска Камчатского и Сахалина до Калининграда.

А сейчас концертов стало меньше? Сейчас мне просто уже из-за возраста довольно трудно, и я даю меньше концертов. Сама концертная деятельность стоит на грани умирания. Я дал недавно самый большой концерт в Москве назло всему, что уничтожило этот жанр. Полгода потратил на то, чтобы добиться, организовать и себя поднять на концерт в Зале Чайковского для громадной аудитории. Теперь вот сделал новую программу — «Домашние радости». В первый раз мы показали его в ресторане «Мадам Галифе». В Москве кончились концертные залы. В Зале Чайковского я полгода пробыл. Театр Эстрады закрылся — там только мозоли. Поэтому я теперь выступаю в «Огороде»: это клуб в замечательном парке на задах больницы Склифосовского, огород цветных трав. И в нем стоят старые здания, которые отреставрировали и сделали двухэтажный ресторан. А в ресторане «Мадам Галифе» устроили первый опит-концерт «Домашние радости» для встречи выпускников разных лет МГИМО. То есть возвращается то, что было, когда я в институты выступал. Только теперь это уже не бедные люди, которые после работы с бутербродом сидят в холловном зале. Теперь это человек сто очень благополучных людей, которые сидят в ресторане. Они заказали себе еду и напитки, но это потом. А сперва заказали себе артиста.

Впрочем, в апреле мы с моим аккомпаниатором Свешниковым выступили и в большом концертном зале в Санкт-Петербурге.

Недавно вышел ваш фильм «Случай с доктором Лекиным». Там вы режиссер и автор сценария одновременно, но не играете. Почему?
Самодостаточность, как для общества, так и для человека, есть высший кризис, из которого либо вообще нет выхода, либо выход очень труден. Отсекается это, потому что, рискуя становиться и автором, и режиссером, да еще иногда и исполнителем, можно впасть в самодостаточность. Это очень опасно. Поэтому нужно видеть мир. Нужно не утратить «голова сердца». А проща говоря: в этом сценарии для меня роли нет.

Вам кажется, что сегодня «голод сердца» многие утратили? Я помню, как поехал в Третьяковку на Крымский Вал и прошел довольно быстро, за два часа, всю экспозицию с целью дойти до Кабакова. Я увидел всю историю с начала века — все вместе, и все ужасно. И Сталин в своем кабинете, и нестеровый портрет Павлова, и первые свободные опыты, которые стали появляться. И коллекция Кастаки. Я же ее видел, а же был у Кастаки. Я смотрел это у него, а теперь это музей. Помню о Целкове. В 1956 году, когда я учился в театральном институте, говорили: «Олег там такого наворотил, пойдем посмотрим». — «А где висит?» — «Он в уборной повесил». А концерт был в Третьяковке, которую я теперь вижу в Третьяковке. И наконец, Кабаков. Эти «Десять персонажей» мы с ним вместе не раз показывали, в основном иностранцам. У него в мастерской под крышей... Стояли эти альбомы. Сперва их было пять. Он листал, а я читал, мы делали такой опыт. И все это было смешно, забавно. А теперь это в такой раме... Тогда мне все это нравилось, а сейчас уже кажется лиловой какой-то. Потому что это домашнее. Называлось даже так: «Альбом для домашнего рассматривания». Для меня это живое, а в тысячетометровом зале это странно смотрится.

В той моей прогулке самым поразительным было то, что я был один в музее одного человека. Вот вам и тема для инсталляции: Третьяковская галерея, вешалка и единственное пальто — мое.

газета

он такой один

Сергей Юрьевич Юрский (родился 16 марта 1935 года) — актер театра и кино, режиссер, сценарист, писатель. Свою актерскую карьеру начал в Ленинградском БДТ, где играл в спектаклях Георгия Товстоногова «Горе от ума» (Чацкий), «Король Генрих IV» (Генрих IV), «Беспokoйная старость» (профессор Полежаев), «Церн» (Виктор Франко). В БДТ же Юрский поставил спектакль «Мольер» по пьесе Михаила Булгакова, где главную роль исполнил сам. Создал уникальный театр одного актера. В 1959 году работал с 1959 года, снялся в таких картинах, как «Республика ШКИД», «Время, вперед!», «Золотой теленок», «Король-олень», «Маленькие трагедии», «Место встречи изменить нельзя», «Ищите женщину», «Любовь и голуби» и др. Режиссерский дебют в кино — телевизионный фильм «Чернов» (1990). Лауреат Государственной премии. Заслуженный артист РСФСР (1968), Народный артист России (1987). Автор прозаических книг «Содержимое ящика», «Почем в Париже картошка?», поэтического сборника «Жест», книги мемуаров «Игра в жизнь». Недавно издательство «Вагриус» запустило серию, в которой вышли на данный момент четыре книги Юрского: «Все время жара», «Попытка думать», «Домашние радости» и «Кого люблю, того здесь нет».